

RU

Террор как неотъемлемый компонент в теории и практике «Сендеро Луминосо». Факторы радикализации сендеристской идеологии

Магомедов Р. М.

Аннотация. Цель исследования заключается в определении причин и истоков обращения к террористическим способам борьбы в деятельности маоистской леворадикальной организации «Сендеро Луминосо» («Светлый путь»). Помимо освещения вопросов и точек зрения, связанных с проблемой ужесточения мировоззрения организации, раскрывается значение тактики устрашения, осуществляемой данной леворадикальной группой против государственных институтов и конкурентов из левого лагеря. Научная новизна определяется проведением комплексного анализа исследований зарубежных авторов, интерпретирующих проблему применения организацией Абимаэля Гусмана террористических методов. В результате исследования было выявлено, что готовность к применению насильственных способов воздействия на массы является естественной чертой всей сендеристской философии, сформировавшейся под влиянием внешних и внутренних условий.

EN

Terror as an Integral Component in the Theory and Practice of “Sendero Luminoso”. Factors of Senderist Ideology Radicalisation

Magomedov R. M.

Abstract. The purpose of the paper is to determine the causes and origins for the use of terrorist fighting methods in the activities of the Maoist left-wing radical organisation “Sendero Luminoso” (“The Shining Path”). In addition to elaborating upon matters and viewpoints related to the issue of the hardening of the organisation’s world outlook, the researcher reveals the significance of the intimidation tactics carried out by this left-wing radical group against state institutions and competitors within the political left. Scientific novelty lies in conducting a comprehensive analysis of studies by foreign authors interpreting the issue pertaining to the use of terrorist methods by Abimael Guzman’s organisation. As a result of the research, it has been found that the willingness to use violent ways of influencing the masses is an inherent feature of the whole Senderist philosophy, formed under the influence of external and internal conditions.

Введение

На рубеже 70-80-х гг. XX в. общей тенденцией для ряда развитых стран Латинской Америки был переход от военной диктатуры к механизмам конституционного, демократического управления, происходивший либо насильственным, либо мирным путем (за исключением Чили, где диктатура Аугусто Пиночета просуществовала до 1990 г.). Одним из государств, вставшим на путь демократического развития в этот период, стало Перу. С 1968 г. власть в стране осуществлялась военной хунтой. Однако в 1980 г. сложились как внутренние, так и внешние политические и социально-экономические причины и предпосылки, способствовавшие ее самоустранению от власти. Таким образом, начало 1980-х гг. застало Перу в условиях перехода от режима военного управления к демократическому строю.

Как правило, возврат к демократическим институтам проходил под общее одобрение политических сил, находившихся либо под запретом, либо на полулегальном положении. И действительно, добровольное отступление военных от власти вне зависимости от того, что этому способствовало, уже само по себе являлось победой для оппозиции. Вместе с тем, как ни странно, в политическом пространстве Перу сложились силы, воспринявшие неожиданное окончание военной диктатуры как полный провал собственных планов. Именно такое восприятие резкого политического разворота было характерно для радикального крыла левого фланга оппозиционных сил.

Причина крылась в том, что многие революционные теоретики рассматривали переход от авторитаризма к демократии как фактор снижения риска вооруженного восстания. Такое толкование произошедших политических изменений главным образом было характерно для «Сендеро Луминосо», леворадикальной организации маоистского толка, лидер которой – Абимаэль Гусман – считал вооруженное восстание единственно возможным способом прихода к власти. Его позиция шла вразрез с позицией легальных левых, расчет которых на сотрудничество с сендеристами был ошибочен и, как впоследствии выяснилось, не оправдан. Примером служит организация “MRTA” («Революционный фронт Тупак Амару»), руководство которой уже с 1984 г. открыто заявляло о невозможности сотрудничества с «Сендеро Луминосо» ввиду ее воинствующего догматизма. Если нереальность сотрудничества «Сендеро Луминосо» с другими левыми в силу идеологических разночтений была для последних неожиданностью, то террор, развязанный Абимаэлем Гусманом против левых, стал настоящим шоком. Атаки сендеристов на представителей левого движения привели к парадоксальному, но вполне ожидаемому результату – потенциальные союзники (а в случае с коммунистическим движением мы имеем дело и с организациями международного формата) превратились в классовых врагов, оппортунистов и ренегатов, в предателей революции. Поставив знак равенства между буржуазным государством и левыми силами, сендеристы оказались вне закона. В связи с этим наиболее актуальными проблемами, стоявшими перед исследовательским сообществом, являлись вопросы определения места и роли террора в деятельности организации, а также выявление экзогенных и эндогенных факторов становления «Сендеро Луминосо» как радикальной организации, избравшей террор в качестве действенного способа ведения борьбы против своих противников.

Основная часть

Анализируя феномен организации «Сендеро Луминосо» как леворадикального движения, невозможно обойти стороной вопрос уникальности и неповторимости особенностей его идеологии. Помимо государства, как классово враждебного института, в список врагов организации, возглавляемой Абимаэлем Гусманом, неминуемо попадали и представители легальных левых группировок. И если с государством все более или менее понятно, то реформистски настроенные политические организации, включая и марксистские, были гораздо опаснее, так как ложные надежды и обещания, которыми они отвлекали народ от революционных настроений, по определению были не чем иным, как завуалированными призывами к отказу от революции. Столь жесткое отношение к своим политическим оппонентам складывалось уже в ходе становления организации под влиянием ряда внешних и внутренних факторов.

Исследование идей и структуры организации Абимаэля Гусмана позволяет сделать вывод о параллелях между идеологией сендеристов и политической моделью, выработанной ультраконсервативной «Бандой четырех», осуществлявшей власть в Китае в период с 1966 по 1976 год. Группа радикально настроенных руководителей КПК, в состав которой входили Цзян Цин (последняя жена Мао), Ван Хунвэнь (зам. председателя ЦК КПК), Чжан Чуньцяо (секретарь Шанхайского горкома партии), Яо Вэньюань (член Политбюро), проводила политический курс, подпадавший под понятие культурной революции и направленный в первую очередь против внутривластной оппозиционно настроенной фракции.

Интерпретируя основные положения китайского опыта на свой лад, руководство «Сендеро Луминосо» рассматривало насилие в качестве основного средства достижения цели, заключавшейся в очищении сознания перуанского населения, скованного традиционным мышлением. Сама же организация представлялась единственной силой, способствующей укоренению в нем нового, революционного способа поведения. «Кровь делает нас сильнее», – именно такое заявление было сделано Абимаэлем Гусманом в 1984 году (Цит. по: Gorriti, 1999, с. 105).

В связи с этим в научном сообществе появилось немало сторонников мнения о соответствии или наличии устойчивой связи между андским мистицизмом и «классическим» маоизмом. К числу таковых можно отнести журналиста Саймона Стронга (Strong, 1992, с. 64), проанализировавшего мифы и легенды народа Анд, составлявших основу андской (инкской) утопии, основным содержанием которых являлись повествования об утраченной славе инков и мести испанским поработителям. Именно симбиоз маоизма и андской утопической традиции способствовал воплощению копившейся столетиями ненависти в идею о революции, невозможной без обращения к террору.

В целом, предложенное С. Стронгом объяснение феномена насилия укладывается в категорию политического фрейминга (от англ. frame – рамка), умело используемого идеологами «Сендеро». По определению отечественного исследователя С. В. Лопатина (2019, с. 68-69), технология фрейминга, как правило, используется в качестве одной из важных технологий социального управления, поскольку конструируемая и контролируемая политическим субъектом область политических значений позволяет эффективно консолидировать нацию или группу людей вокруг определенных ценностей, идей и представлений.

И действительно, общность принципов андской и маоистской идеологий, акцент на идеологическую чистоту, дихотомический взгляд на реальный мир, подразумевающий четкое разделение на добро и зло, являются не чем иным, как четкими идеологическими рамками. Добро (в случае с «Сендеро Луминосо» это революционные массы) обязано уничтожить зло, с которым в первую очередь ассоциируется буржуазное государство, опутанное сетями олигархата и демагогией либерализма. Наиболее предпочтительным способом борьбы в этом случае признается кровопролитие, как всеочищающая и мотивирующая сила, неизбежное ввиду отсутствия ему альтернативы. С момента, когда перуанские левые и государство были идентифицированы как сторонники зла, они моментально стали объектами решительной атаки сендеристов (Palmer, 1986, с. 127-146).

Несмотря на то, что многие исследователи согласны с тезисом о бескомпромиссности и жестокости идеологических принципов «Сендеро Луминосо», следует отметить тот факт, что некоторые из них видят их корни не столько в синтезе маоизма и андской утопии, выявленного С. Стронгом, сколько в политической социализации руководства движения.

Наиболее интересна с этой точки зрения версия Г. Горрити (Gorriti, 1999), проводившего параллели между Абимаэлем Гусманом и Сталиным и отмечавшего, что характерное для коммунистических режимов стимулирование в сознании населения культа личности руководителя имело место лишь после окончательной победы их движения. Примером тому служили СССР, Югославия, КНР, КНДР. Отличительной чертой и своего рода уникальностью «Сендеро Луминосо» в этом плане является то, что культ личности руководителя возник и укреплялся уже на этапе борьбы, развязанной с целью ликвидации старой и возведения на ее развалинах новой системы общественных отношений. Таким образом, «главное, что отличает “Сендеро Луминосо” от других коммунистических партий, – это то, что с самого начала вооруженной борьбы у руля этого движения стоял самодержец» (с. 168). Следствием этого обстоятельства стало превращение ее в унифицированную, строгую иерархическую организацию с жестким централизованным управлением.

Вопросы идеологического характера, как и процессы, связанные с принятием важных решений, напрямую были сосредоточены в руках Гусмана с его радикальным и абсолютно уникальным мышлением. Основопологающая роль Гусмана, особенности его биографии и становления как личности приобретают первостепенное значение в стремлении понять «Сендеро Луминосо» как общественную организацию, ставшую на путь террора. Тот же Г. Горрити, исследуя факторы, повлиявшие на формирование идеологии сендеристов, в числе прочих указывает на образование, педагогическую и научную деятельность Гусмана, его контакты с интеллектуалом-сталинистом Карлосом де ла Рива, а также его поездки в Китай в период культурной революции. К этому же обстоятельству апеллирует отечественный исследователь Н. Н. Горячев (2020, с. 121-126), охарактеризовавший сендеристскую идеологию как результат влияния китайских коммунистов посредством семинаров, проводимых ими для латиноамериканских товарищей. Отдельные визиты перуанских коммунистов в Поднебесную имели судьбоносное значение.

Культурная революция в Китае только начиналась, и гипертрофированное стремление значительной части населения к общественному переустройству принимало масштабы и особенности распространяющейся пандемии. Будучи в Китае, Гусман «постиг постулаты и азы ведения партизанской и диверсионной войны», он в совершенстве овладел тактикой действия в подполье и был обучен взрывному делу (Gorriti, 1999, с. 174). Но гораздо более важно то, что Абимаэль Гусман взял на вооружение антиреформистские тезисы Мао, определявшие любые попытки внутрипартийных преобразований не иначе, как ренегатство и отступничество от ленинско-марксистских догм. Бушующая в этот период в Китае масштабная ортодоксальная, антиреформистская кампания за чистоту мировоззрения втянула в свою идеологическую ловушку Председателя Гонсало (Абимаэль Гусман) и его последователей. Тем самым Г. Горрити настаивает на том, что именно поездки Гусмана в Китай стали определяющим фактором влияния на процесс становления радикальной идеологии сендеристов, породив высокую степень готовности организации к решительным действиям, в том числе и против левых ренегатов.

Свою версию укоренения насильственных методов борьбы в идеологии сендеристов выразил в 1994 году перуанский исследователь Карлос Иван Дегрегори (Degregori, 1994, с. 51-62). Причем данное явление он относит к категории культурного наследия Перу, сформировавшегося под влиянием межрасовых противоречий. По утверждению Дегрегори, в Перу с момента его образования как государства проживают представители трех ключевых расовых категорий – белые потомки испанских переселенцев, индейцы и метисы (потомки смешанных браков между европейцами и коренными жителями). Однако характер взаимоотношений между этими категориями позволяет сделать вывод о преобладании в них атмосферы подозрительности, недоверия и ненависти, что объясняется длительным периодом колониального гнета. Колонизаторами был создан строгий иерархический колониальный порядок, характеризующийся испанской гегемонией, опиравшейся на различные формы институционального насилия против коренных жителей Анд – бывших подданных уничтоженной конкистадорами империи инков (Klarén, 2007, с. 10). Этот порядок и заложил особенности взаимодействия между различными этно-социальными категориями перуанского государства.

Если перуанская элита была в основном представлена потомками европейских переселенцев, то индейцы и метисы имели куда менее привилегированное положение в обществе. Исторически так сложилось, что метисы занимали более привилегированные позиции, чем представители коренного населения, однако с ходом времени их превосходство было серьезно подорвано в результате экономических кризисов и непродуманных шагов правительства.

Преобладание метисов в первоначальном составе «Сендеро Луминосо» сыграло определяющую роль в становлении особого двойственного взгляда и отношения к индейскому населению. С одной стороны, прослеживалась тенденция к установлению покровительственного контроля над ними, с другой – готовность к применению жестких методов давления в случае неповиновения опекаемых. Сендеристами пропагандировалась деспотичная жестокая любовь метиса (человека по определению более развитого) к коренному жителю, индейцу (в силу исторических и этнополитических особенностей неспособного самостоятельно определить путь своего развития). Другими словами, главная миссия метиса заключалась в том, чтобы, порой методом жесткого воздействия, осуществлять защиту опекаемой им категории населения от вызовов и угроз современного мира. Данная практика должна была способствовать самоутверждению метисов, составлявших основу «Сендеро Луминосо», укреплению их социального эго в процессе общественного развития (Degregori, 1994, с. 58-59).

Другими словами, К. И. Дегрегори ставит под сомнение тезис о том, что китайская политическая мысль образца 1960-1970-х гг., как и биография Гусмана, сыграли решающую роль при формировании идеологической установки на ведение террористической войны против политических и идеологических противников. Определяющим, по его мнению, здесь стал метисо-индейский фактор, существовавший с момента начала освоения европейцами Южной Америки.

Свое видение на проблему, затронутую вышеуказанными авторами, обозначил американский исследователь Том Маркс (Marks, 1994, с. 209-224). В отличие от них Маркс считал насилие не столько продуктом иррационального мировоззрения «Сендеро Луминосо», сколько результатом выработки эффективного метода, направленного на привлечение новых членов в организацию. Этот метод можно квалифицировать как метод выборочного стимулирования. Отвергая само определение безрассудности поведения «Сендеро», Маркс полагает, что направленный против левых групп террор был рационален и оправдан, как способ убеждения отдельных индивидуумов, не желавших поддерживать сендеристов или же сопротивлявшихся им.

Косвенно опираясь на анализ теории коллективных действий М. Олсона (Olson, 1971), Т. Маркс (Marks, 1994) дает свое объяснение террору, развязанному организацией. Насилие и страх, по его мнению, это неотъемлемые элементы убеждения недостаточно мотивированных к сотрудничеству. В связи с отсутствием у перуанцев, главным образом у представителей коренного населения, доверия к образованной, представленной метисами верхушке организации перед активистами группы Гусмана встала задача преодоления этой стены недоверия и безразличия. Таким образом, «Сендеро Луминосо» применяла тактику террора в качестве механизма вербовки, посредством которого решалась задача по «функционированию и расширению инфраструктуры» (с. 219-220).

Представленный Т. Марксом анализ проблемы вступает в прямое противоречие с точками зрения, рассмотренными выше. Маркс, ставя под сомнение утверждения о бескомпромиссном насилии как о неотъемлемой составляющей организационной идентичности «Сендеро Луминосо», относит террор к категории способов вербовки, к которым группа прибегала, исходя из обстановки. В случае если население отдельного региона было готово пойти на сотрудничество, насилие, как правило, не применялось. Отказ содействовать или сопротивление процессу вербовки расценивались сендеристами как руководство к действию, и террор в данном случае должен был стимулировать местных жителей. Таким образом, подход Маркса к проблеме насилия в теории и практике «Сендеро Луминосо» как к методу рекрутирования и увеличения численности членов организации изначально не соответствовал общей парадигме и по своему содержанию был более сложен и не столь тривиален. Он исключает определение террора в теории и практике сендеристов как явления, имевшего глубокие исторические корни, выдвигая тезис о его сугубо прикладном характере.

Казалось бы, мнение Т. Маркса как нельзя лучше раскрывает причину непропорционального применения сендеристами тактики террора по отношению к населению тех районов, где они развивали активную повстанческую деятельность. Сама же форма устрашения, практикуемая последователями Абимаэля Гусмана, ни в коем случае не представляла собой модель тотального террора, направленного против конкурентов левого толка. Правильнее будет называть это тактикой индивидуального террора, призванного, с одной стороны, устранить непокорных, с другой – увеличить приток сторонников через устрашение.

Вместе с тем версию Т. Маркса ни в коем случае нельзя принимать за истину. Объяснение готовности «Сендеро Луминосо» к применению насилия невозможно, если не учитывать уникальность идеологического фундамента организации. Рассматривать тактику насильственного устрашения лишь в качестве способа манипулирования не позволяет то обстоятельство, что не все оппозиционные и радикально настроенные организации рассматривали террор как действенное средство. Напротив, этот способ воспринимался как антигуманный, аморальный и абсолютно контрпродуктивный. Лишь признав незаурядность структуры, системы и мировоззрения организации Гусмана, становится понятно, почему именно этот способ вербовки был избран повстанцами как наиболее эффективный. Однако Маркс, формулируя версию рациональности и узкопрофильной направленности насилия, предпочитает не встраивать готовность к применению террора в сложную схему сендеристской философии. Более того, развивая идею о терроре как универсальном способе рекрутирования и вербовки, он тем самым не делает различий между революционными движениями, позиционируя их последователей как жестоких убийц, готовых использовать этот способ для привлечения новобранцев.

Также следует отметить то обстоятельство, что Т. Маркс не уделил внимания трудностям, с которыми столкнулась организация Гусмана при наборе кадров. Так, в качестве главной причины отказа рекрутируемых от присоединения к движению Маркс ошибочно определяет страх последних перед наказанием, которое те обязательно понесут, в случае если выступят против государства. Полагая, что в борьбе за сознание обездоленных слоев сельского населения у «Сендеро Луминосо» практически не могло быть соперников, ученый абсолютно исключает возможность элементарной конкуренции между политическими группами.

Исследования отдельных авторов убедительно указывали на сложности, с которыми в ходе вербовки столкнулись партизанские эмиссары в странах, где сельское население уже попало под влияние политической пропаганды. Там же, где сельское население не имело идеологической привязки к какому-либо движению, незатронутые «обширные территории национального политического пространства» активно использовались в качестве «целинной почвы» вербовщиками радикалов (Wickham-Crowley, 1992, с. 259). Это утверждение как нельзя лучше объясняет то, что террор, практикуемый «Сендеро Луминосо», распространялся не на все, а лишь на ту часть районов Перу, где приходилось вступать в ожесточенную борьбу с политическими противниками за умы и поддержку местного населения.

Заключение

Безусловно, концепции, сформулированные С. Стронгом, Г. Горрити, К. И. Дегрегори, Т. Марксом, являются принципиально важными компонентами исследования роли и места насилия в радикальном мировоззрении членов «Сендеро Луминосо». Конечно же, выдвинутые ими положения не привели к появлению универсального механизма, позволяющего сформулировать единый подход к проблеме стратегии насилия в идеологии этой организации. Вместе с тем комплексный анализ всех приведенных теоретических суждений аккумулируется в четкое представление о том, что выбор сендеристов в пользу применения террористических методов борьбы с идейными оппонентами следует объяснить влиянием целого ряда факторов. К числу таковых можно отнести мощнейшее влияние китайской культурной революции, пропагандировавшей непримиримую (вплоть до физического уничтожения) борьбу против идеологических противников и ренегатов. Кроме того, структура организации, выстроенная на строгой иерархической основе и предусматривавшая жесткое подчинение приказам, способствовала тому, что ее члены с готовностью воспринимали идею применения террора. К этому также располагали исторически сложившиеся особенности взаимоотношений между метисами и индейцами, в которых первые оставляли за собой право опеки и (при необходимости) наказания вторых. В этом случае террор практиковался адептами Гусмана в большей степени как мера принуждения к сотрудничеству, нежели орудие устрашения. Совокупный анализ всех указанных факторов позволяет сделать вывод о том, что сам образ мышления членов «Сендеро Луминосо», опиравшийся на исторический опыт и подвергавшийся идеологическому влиянию извне, побуждал их к использованию насилия против отдельных лиц или целых организаций, деятельность которых угрожала перспективе революции.

Источники | References

1. Горячев Н. Н. Интерпретация и адаптация маоизма в Латинской Америке на примере Перу // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 10.
2. Лопатин С. В. Политический фрейминг как стратегия манипулирования политическим сознанием // Дискурс-Пи. 2019. № 1.
3. Degregori C. I. The Origins and Logic of Shining Path: Two Views // The Shining Path of Peru / ed. by D. S. Palmer. N. Y.: St. Martin's Press, 1994.
4. Gorriti G. The Shining Path: A History of the Millenarian War in Peru. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999.
5. Klarén P. F. "El tiempo del miedo" (1980-2000), la violencia moderna y la larga duración en la historia peruana // Historizar el pasado vivo en América Latina / ed. por A. Pérotin-Dumon. Santiago de Chile: Universidad Alberto Hurtado, 2007.
6. Marks T. Making Revolution with Shining Path // The Shining Path of Peru / ed. by D. S. Palmer. N. Y.: St. Martin's Press, 1994.
7. Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
8. Palmer D. S. Rebellion in Rural Peru: The Origins and Evolution of Sendero Luminoso // Comparative Politics. 1986. Vol. 18. Iss. 2.
9. Strong S. Shining Path: Terror and Revolution in Peru. L.: Harper Collins, 1992.
10. Wickham-Crowley T. Guerrillas and Revolution in Latin America: A Comparative Study of Insurgents and Regimes since 1965. Princeton: Princeton University Press, 1992.

Информация об авторах | Author information

Магомедов Роберт Магомедович¹

¹ Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Magomedov Robert Magomedovich¹

¹ Dagestan State University, Makhachkala

¹ mrm21081979@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): Сендеро Луминосо; террор; маоизм; Абимаэль Гусман; левый радикализм; Sendero Luminoso; terror; Maoism; Abimael Guzman; leftist radicalism.